

УДК 165.9

М. Е. Буланенко¹

**ПРОРАБОТКА ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА НА
ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ СО СТУДЕНТАМИ
НА ПРИМЕРЕ ДИАЛОГА «МЕНОН»**

Диалог Платона «Менон» традиционно считается хорошим введением в платоновскую философию. Но помимо рассмотрения важных теоретических вопросов Платон также изобразил в нём уникальное сочетание персонажей, наглядно представляющих различные установки по отношению к диалектическому искусству и к философии как интеллектуальному предприятию. Поэтому задача преподавателя в работе со студентами оказывается двоякой. С одной стороны, он должен показать актуальность сформулированных Платоном проблем и подходов к их решению. С другой же стороны, совместно со студентами должна быть актуализирована экзистенциальная ситуация самого платоновского диалога, поскольку только таким образом можно получить опыт философии не только как теоретического занятия, но и как дела, имеющего непосредственное жизненное значение.

Ключевые слова: преподавание философии, релятивизм, этика, теория познания, жизненное значение Платона.

Одна из наиболее ощутимых проблем в университетском преподавании истории философии – это проблема неосознанного или не вполне осознанного релятивизма преподавателя по отношению к излагаемому им предмету. Сам по себе релятивизм как сознательно избираемая философская позиция может быть до определённой степени обоснован, однако в университетской аудитории он, как правило, не артикулируется, а неявно пронизывает само изложение предмета, ставя под вопрос смысл и назначение последнего. В релятивистском преподнесении истории философии все философы, как бы они ни противоречили друг другу и ни опровергали друг друга, оказываются «хорошими»: и Платон, и критиковавший его Аристотель, и пытавшийся

¹ © Максим Евгеньевич Буланенко, старший преподаватель кафедры философии Дальневосточного государственного технического университета, ул. Светланская, 53, г. Владивосток, Приморский край, 690990, Россия, E-mail: bulanenko@list.ru.

ниспровергнуть его Ницше. С другой стороны, подобный релятивизм также делает невозможным ответ на вопрос, который рано или поздно возникает у всякого равнодушного студента: зачем нам, современным людям, нужны все эти старые философы и значат ли ещё что-нибудь для нас их старые теории? Этот вопрос может принимать другие, частные формы: «Существуют ли на самом деле идеи Платона?», «Есть ли душа и что она собой представляет?», «Верна ли теория априорных форм познания Канта?» и т.д.

Ответ на вызов релятивизма важен не только с точки зрения сохранения респектабельности преподаваемого предмета. В первую очередь он важен для самого преподавателя, если тот, конечно, не только видит в излагаемых им теориях собрание фактов истории и культуры, но и признаёт за ними собственно познавательную ценность. В этом случае актуализация наиболее значительных теорий, считающихся обязательными в курсе истории философии, становится насущной задачей. И если на лекциях их детальный разбор едва ли осуществим, то на практических занятиях, где студенты получают возможность непосредственно ознакомиться с классическими философскими произведениями и обсудить, актуализация этих произведений и их рассмотрение в контексте современности зачастую оказываются важным условием их усвоения. Чрезвычайно востребованной подобного рода актуализация оказывается при обсуждении произведений первого в европейской философии классического автора – Платона, причём при изучении диалогов Платона она может происходить двояким образом. В теоретическом плане она должна суметь ответить на вопрос: что именно, несмотря на критику, сохраняет своё познавательное значение как в круге философских проблем, сформулированных Платоном, так и в разработанных им походах к решению этих проблем. В свою очередь, практическая актуализация Платона могла бы состоять в воспроизведении на семинаре самой ситуации платоновского диалога с жизненным отношением к обсуждаемым проблемам и с использованием платоновских методов, что должно вывести диалог за пределы обычного разговора, превратив его в разговор, ориентированный на решение поставленных проблем.

В этом смысле чтение и обсуждение со студентами на семинарах диалога «Менон» обладают рядом преимуществ по сравнению с чтением других платоновских произведений. Наиболее очевидное из этих преимуществ – соединение в «Меноне» тех основных тем, которые вместе или по отдельности, в сжатом или развёрнутом виде рассматриваются во

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

всех зрелых диалогах Платона: это темы добродетели, души (и разума как её главной способности или «части»), теории идей, знания и познания (здесь – в форме теории «припоминания», *анамнесиса*). Таким образом, «Менон» может служить хорошим введением в платоновскую философию вообще, обладая к тому же выдающимися художественными достоинствами, облегчающими восприятие собственно философского содержания. Среди этих достоинств – живой драматизм, благодаря которому диалог читается с большим интересом, и простота композиции, не позволяющая основному вопросу произведения исчезнуть из виду на всём протяжении обсуждения. Ещё одно, менее значительное, но весьма облегчающее работу с диалогом преимущество состоит в том, что в связи с ним не приходится останавливаться на специфических вопросах отношений полов в Древней Греции (как того требует, скажем, обсуждение «Пира» или «Федра»). Дальнейшее представляет собой обобщающий пересказ результатов совместных обсуждений диалога со студентами Института инженерной и социальной экологии и Строительного института ДВГТУ на протяжении нескольких семестров 2009-2010 гг.

Начиная знакомство с диалогом на семинаре, мы узнаём, что предполагаемая дата его создания (после 387 г. до Р.Х.) соотносится с приблизительной датой основания академии. Из этого можно заключить, что диалог, по-видимому, мог быть написан Платоном, в первую очередь, не для абстрактной публики, а для круга ближайших учеников, очевидно заинтересованных в предмете обсуждения. Предметом диалога выступает понятие *ἀρετή*, традиционно переводимое на русский язык как «добродетель». Однако для большинства современных молодых людей сформулированная подобным образом тема едва ли будет представлять какой-либо интерес, не говоря уже о привлекательности. Понятие добродетели воспринимается ими как лишённое живого содержания и несущее в себе отголосок отталкивающего морализаторства. Насколько такое отношение оправданно – отдельный вопрос. Между тем, и в самой древнегреческой культуре смысл слова «*аретэ*», как известно, немного отличался от того, что мы сейчас подразумеваем под добродетелью. Убедиться в этом можно и из самого диалога «Менон». Слово *ἀρετή*, производное от *ἄριστος* («наилучший») – превосходной степени прилагательного *ἄριστος* («хороший», «благой»), обозначает не просто добродетель, а «отличность», «превосходность», «совершенство», иначе говоря, полную, полноценную человеческую жизнь, возможную только при осуществлении человеком собственного предназначения (что

предполагает и приобретение определённых нравственных качеств). А в такой трактовке понятие «аретэ» может привлечь и привлекает большое внимание и живой интерес даже современной студенческой аудитории.

Непосредственно убедившись в важности темы «аретэ», участники обсуждения «Менона» уже не удивляются, почему столь значительное место в диалоге занимают попытки определения понятия добродетели и почему правильное либо неправильное определение этого понятия (примеры соответствующих определений можно найти по ходу всего диалога с первых страниц) приобретает в разговоре Сократа с Меноном жизненный, «экзистенциальный» смысл: ведь от того, насколько точно будет схвачена собеседниками и выражена в определении человеческая ἀρετή, напрямую зависит, действительно ли полноценной и счастливой будет их жизнь в соответствии с их пониманием «совершенства». Поэтому появляющееся в данном контексте платоновское понятие идеи как «сущности» (τὸ ἔστιν) определённого класса предметов кажется уже не философской абстракцией, а вполне уместным решением, поскольку сам ход диалога недвусмысленно показывает, что ни одно определение не будет удовлетворительным, если в нём не будет схвачена суть определяемого предмета. Становится понятным, почему уже Аристотель полагал, будто Платон пришёл к теории идей, занимаясь диалектическим рассмотрением понятий, а не только и не столько из-за стремления найти стабильные основания для познания в «текучей» среде предметов чувственного восприятия: «что он ввел эйдосы, это имеет свое основание в том, что он занимался определениями (ведь его предшественники к диалектике не были причастны)» (ἡ τῶν εἰδῶν εἰσαγωγή διὰ τὴν ἐν τοῖς λόγοις ἐγένετο σκέψιν (οἱ γὰρ πρότεροι διαλεκτικῆς οὐ μετεῖχον), *Μεταφυσικὰ Α (I)*. 6, 987b 31-32).

После ряда опровержений неполных и неверных определений «аретэ» собеседники в «Меноне» обращаются к вопросу о природе знания, поскольку знание о добродетели, бесспорно, является одним из видов знания. Так получает своё объяснение трёхчастность композиции диалога: постановка вопроса о сущности добродетели естественным образом ведёт к рассмотрению природы знания. В дальнейшем связь вопросов о добродетели и о знании объясняется ещё и тем, что добродетель без знания не может быть добродетелью: например, мужество без ума есть обыкновенное безрассудство (Менон 88b). Более того, человек не сможет достичь совершенства, если не задействует в полной мере свою высшую способность – разумение (ведь, согласно отрывку Менон 88e, в человеке

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

всё зависит от души, а в душе – от разума). Установив столь принципиальную зависимость добродетели от разума и знания, в третьей части диалога собеседники формулируют и проверяют предположение о том, не есть ли сама добродетель – вид знания.

При исследовании вопроса о природе знания Менон и Сократ сразу же отмечают парадоксальность человеческой способности научения: каким образом люди (можно было бы добавить: в отличие от животных) способны приобретать знание в понятийной форме и почему они способны развивать это знание, отправляясь от немногих приобретённых в раннем возрасте понятий? С учётом сложности поставленной проблемы излагаемая в «Меноне» теория анамнесиса (согласно которой для того, чтобы познавать всё, надо это всё уже каким-то образом знать) не кажется студентам, обсуждающим диалог, такой уж нелепой, а, скорее, наоборот – довольно серьёзной попыткой ответа на указанные вопросы. Подтверждение серьёзности платоновской теории научения предоставляет современная эволюционная теория познания, фактически «натурализирующая» учение об анамнесисе: как и Платон, приверженцы этой теории исходят из предпосылки, согласно которой человеческое познание возможно только потому, что человек каким-то образом заранее «знает» всё, но не онтогенетически, а филогенетически, ведь, будучи результатом многомиллиардной эволюции, человеческий геном заключает в себе «память» о бесчисленных типах реакций на всевозможные внутренние и внешние раздражители, поскольку иначе о выживании человека как вида не могло бы идти и речи. Но основная и неразрешимая проблема этой теории состоит в том, что она не позволяет разграничить понятия истины и успеха, первое из которых является определяющим для познания, тогда как второе – для выживания биологического вида: если животное совершает действие, приводящее к его гибели, корректно будет сказать, что это действие не было успешным для выживания вида, но никак, что животное «ошиблось». Таким образом, студенты получают возможность убедиться в том, что вопросы, поставленные Платоном, не просто актуальны, а по-прежнему оказываются камнем преткновения для философии и когнитивистики. Чтобы предложить для них лучшее решение, нежели платоновское, надо создать лучшую теорию.

Немаловажным в ходе практического занятия становится обсуждение методов, используемых платоновским Сократом в диалоге (в том числе его знаменитой майевтики): оно явственно демонстрирует, что

перед нами не спонтанный разговор, пусть даже и весьма глубокий, а продуманным образом построенное и направляемое рассуждение. Данный подход позволяет задать оправданный вопрос о смысле концовки диалога: можно ли считать сформулированный в ней результат окончательным, если учесть, что собеседникам в итоге приходится отвергнуть принятую ими убедительную гипотезу о знании как об идее добродетели, причём отвергнуть её на том основании, что учителей добродетели, по всей видимости, не существует? Если этот результат окончателен, то Сократа действительно следует признать $\nu\acute{\alpha}\rho\kappa\eta$, «электрическим скатом», приводящим в оцепенение не только других, но и самого себя, и первоначально не имеющим определённого представления о конечной цели текущего исследования.

В поисках ключа к решению этой загадки участники обсуждения диалога нередко указывают на эпизод с рабом, решающим задачу по удвоению квадрата, заданную ему Сократом. Очевидно, что Сократ не мог бы задавать рабу наводящие вопросы, если бы заранее не знал правильного решения. А то, что именно с помощью подобного же рода наводящих вопросов он выуживает ответы из Менона, не оставляет сомнений. Более того, вновь подхватывая сравнение со скатом в конце эпизода с рабом, Сократ придаёт ему положительное значение: по его словам, оцепенение необходимо и благотворно для освобождения человека от видимости знания, а потому достижение истинного знания без него невозможно (Менон 84b). Это даёт основание предположить, что причина колебаний, возникающих по ходу диалога, должна находиться не столько в Сократе, сколько в его собеседнике. И здесь нам оказывает существенную помощь разбор характеров участников диалога: Сократа, Менона, его раба и, наконец, Анита. Поскольку Платон – не только гениальный писатель, но и гениальный художник, выводимые им на сцену персонажи с их индивидуальными чертами не могут быть случайными. И действительно, мы видим, что с Меноном, его рабом и Анитом Сократ ведёт себя по-разному в зависимости от обсуждаемых тем и личностных качеств собеседника, в первую очередь, его интеллектуальных и нравственных особенностей. В таком случае, не является ли итоговое понимание добродетели как «божественного дара» хотя в своём роде и верным ответом, но всё же предназначенным для собеседника с характером и дарованиями Менона – юноши, склад ума которого во многом определяется словесной эквилибристикой софиста Горгия, а характер – софистическим же нравственным релятивизмом? Быть может, именно эти черты Менона

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

делают его неспособным к более глубокому конструктивному разговору и мешают увидеть в самом Сократе, а не в софистах, искомого учителя ἀρετή (что, например, не представляет особой трудности даже для Алкивиада в «Пире»)? Исходя из этого, мы можем сформировать для себя представление о платоновских требованиях к обсуждению темы ἀρετή и к участникам этого обсуждения. В интеллектуальном плане это готовность и способность к осмыслению комплекса сложных онтологических и гносеологических проблем, связанных с вопросом о предназначении человека, а в нравственном – постоянство характера и приверженность тому высшему благу, которое должно осуществиться в человеческой жизни. И на этом завершающем этапе обсуждения «Менона» платоновский Сократ предстаёт нам уже не как далёкая историческая и литературная фигура, а как наш современник, ставящий вопросы, задевающие за живое всякого равнодушного читателя платоновских диалогов. Только восстановив для себя – пусть даже в самом приблизительном виде – сложную картину платоновского понимания ἀρετή в её тесной взаимосвязи с остальными важными темами философии великого древнегреческого мыслителя, можно впервые серьёзно задаться вопросом о том, насколько правомерно утверждать, что Платон действительно во всех отношениях превзойдён Аристотелем или Ницше.

Так несколько схематично можно описать результаты, достигнутые в ходе совместного обсуждения студентами ДВГТУ платоновского диалога «Менон» на практических занятиях в течение последних семестров, начиная с осени 2009 г. Проведённые в этот период занятия до сих пор достаточно убедительно показывают, что проработка платоновской философии студенческой аудиторией проходит наиболее успешно, когда актуализация данной философии оказывается естественным продолжением разговора, начатого самим Платоном в его сочинениях – и в том, что касается воспроизведения формы диалога во время дискуссии, и в том, что касается осмысления его содержания.

Платон. Менон // Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / Платон / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1999. – С. 575-612.

Слезак Т.А. Как читать Платона / Т.А. Слезак / пер. с нем., предисл. и примеч. М.Е. Буланенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 314 с.